

Илья ЧЕСНОКОВ ЗА ЁЛКАМИ

1. Совет

Семья Коровкиных переехала в село. Наступила зима, впереди маячили новогодние праздники. До боя курантов оставалось три дня, а ёлки у Коровкиных ещё не было.

И вот вечером это семейство – Владимир, его родители пенсионного возраста, жена Наталья, двое сыновей-подростков и супружеская пара Шмыгалкиных, состоявшая из сестры Владимира Ольги и ее мужа Александра, уселись за большой дубовый стол, оставшийся от прежних хозяев, и решили спилить ёлку в лесу. Составили план ёлочной вылазки. Для этого нужно было пройти через небольшое озерцо и старое сельское кладбище.

Владимир, мужчина крепкого телосложения с густыми чёрными усами и рано лысеющей головой, был майором пожарной службы в отставке. Думая, что знает о пожарах всё, он был уверен и в своей непогрешимой осведомлённости в житейских делах. В селе он брался за любую работу, чувствуя в себе молодецкую удаль и отменный аппетит.

– Чего здесь размышлять, прохфессоры (буква «х» служила символом подтрунивания над людьми с высшим образованием)? – приподнялся он и упёрся кулаками в стол: – Ровно в полночь выдвигаемся в путь, проникаем вглубь леса, находим ёлку, спиливаем её и тащим домой. Возвращаемся по нами же протоптанному пути. Всё! Вопросы есть?

Он обвёл взглядом присутствующих и остановился на супруге. В гнетущей тишине вдруг затарахтел старенький холодильник «Бирюса». Наталья резко поднялась. Она в молодости любила читать, глотая книги как пироги. С тех пор книги ожидали её, пылясь в шкафу за стеклом в три ряда. Глотнув остывший чай, она произнесла:

– Мы должны решить, кто идёт на дело и какие брать инструменты.

– Пацанов брать не будем. Пусть дома сидят с родителями, – словно не слыша жену, произнёс Владимир.

С другой стороны стола сидела чета Шмыгалкиных. Ольга молча рассматривала свои колени, и Санёк, то есть Александр, сидел тихо, уставившись в пустую рюмку. Ему хотелось выпить и пойти домой спать. В его фигуре угадывался постепенно стареющий пингвин. Ольга была ещё более начитанная, чем Наталья. Она ждала удобного момента, чтобы вставить слово, но цепкий взгляд брата её останавливал.

Выйдя в коридор, Владимир вернулся в комнату с совковой лопатой, двуручной пилой и верёвкой. Он начал их поднимать по очереди с таким видом, словно это были вредные коты:

– Вот этим отгребаем снег, этим пилим ёлку, а этим привязываем её к санкам.

Поднялась Ольга:

– И мы хотим пойти. Нам тоже ёлка нужна. Да, Санёк? – зыркнула она на мужа.

– Ну... – был ли этот ответ согласием или сопротивлением, никто не понял.

– Да! – отрезал майор и зашагал к холодильнику за водкой.

2. Начало пути

Под мерцающими звёздами, разбросанными бисером по небесному полотну, четвёрка смелых, укутанная с ног до головы, стояла на старте. Ровно в полночь Владимир поднял правую руку, и все, почему-то ссутулившись, пошли за ним след в след с левой ноги. Позади них в высоком снежном одеяле оставалась глубокая траншея. Поднимались в горку медленно. Крепкий мороз мешал дышать полной грудью. Хруст из-под ног раздавался такой, словно три сотни голодных зайцев ритмично жевали капустные листья в пустом спортивном зале. Вороны, проснувшись и скрипуче отхаркиваясь, нехотя отрывались от веток и перелетали на соседние деревья.

Поднявшись на холм, нужно было по извилистой тропинке спуститься к небольшому озеру. Ветер раздул снег по берегам, луна прожектором освещала всё вокруг, и озерцо под её лучами превратилось в ледовую арену, а вокруг, словно любопытные зрители, склонились сосны и ели. За озером на холме кривыми крестами чернело кладбище. За ним топорщился лес, и добраться до него коротким путём можно было только пройдя насквозь через кладбище.

Наши герои, спустившись к озеру, оказались под лунным прожектором, как на ладони. Нужно было двигаться дальше.

– Я боюсь идти через кладбище, – прошептала Ольга и присела на санки.

– Мы с Ольгой в овраг спустимся и будем вас ждать, – добавила Наталья, взглянув на мужа.

Санёк тоже хотел было присесть рядом, но Владимир подхватил его за воротник:

– Хорошо. Мы вдвоём пойдём. Сидите здесь и не высовывайтесь. В случае чего поухайте нам филинами.

– А можно мы по-волчьи завоём?

– Войте, раз вам так удобнее.

3. Движение к цели

Владимир подхватил пилу под мышку и, не оглядываясь, пошёл первым в сторону кладбищенской калитки. Санёк, закинув лопату на плечо, следом. Две фиолетовые тени заскользили по льду. Подходя к холму, они уже всю катились, как на лыжах. Под ногами стрелками забелели узелки трещин.

Калитка была чуть приоткрыта, но прихвачена морозом. Пришлось перелазить. Владимир легко перемахнул и, по колени провалившись в снег, стал всматриваться в темень. Санёк же, перевалившись наполовину, повис. Он стал похож на матрац, перекинутый через забор для просушки.

– Эээ... – только и успел он из себя выдавить, как Владимир схватил его за шиворот и стащил вниз. Кресты, поблёскивая обледелой древесиной, неодобрительно всматривались в непрошенных гостей.

Это был старый участок кладбища, где давно уже никого не хоронили. Пробираясь между холмиков и оградок, спотыкаясь и вполголоса чертыхаясь, мужчины вышли к лесу. Забор и калитка скрылись из вида. То справа, то слева был виден еловый молодняк. Санёк воткнул в снег лопату и втянул голову в плечи:

– Вов, давай здесь спалим что-нибудь и вернёмся.

– Не, – ответил тот, поглаживая усы. – Чуть дальше пройдем.

Их глаза уже привыкли к темноте, да и мертвецкая тишина уже не была такой гнетущей. Не останавливаясь, они уходили всё дальше и дальше, лес осторожно пропускал их вглубь. Ветки ощупывали прищельцев, стараясь зацепиться покрепче. Снег искрился бриллиантовой россыпью, хоть черпай пригоршнями и запихивай в карманы. Отойдя с полсотни метров, мужчины увидели две ели выше человеческого роста, стоящие немного поодаль от

остальных. Быстро отгребли от стволов снег, встали на колени и начали пилить у самой земли. В нос ударило прелостью и свежей хвоей. Звук пилы, вгрызающейся в древесину, разлетелся во все стороны, разбудив дремлющих птиц.

Золовки тихо сидели на саях и смотрели в сторону леса, ожидая какого-нибудь сигнала от мужчин. Вдруг над лесом вспорхнула стая птиц, словно невидимый великан сломал верхушки деревьев и швырнул их в небо. Жуткое карканье понеслось между деревьями, срезая с веток тишину и покой, вырвалось из объятий леса, ушло в сторону села, ударилось там о стены домов и растаяло в полях.

Снег с ветвей лавиной сорвался на мужчин. Выбравшись из-под него, они завершили дело. Ёлки были спилены.

– Давай, хватай за ствол, и потащили, – скомандовал Владимир.

– Опять через калитку?

– А ты как хотел? Через дом лесника?

Впереди зашагал Владимир, а Санёк сзади, метра через три. Сделав несколько шагов, они остановились. Ни забора, ни калитки, ни собственных следов не было видно. Только стволы сосен и снежные бугорки с оградками. Снег, свалившийся с деревьев, укрыл всё вокруг.

– Нам нужно прямо, – указал Владимир путь рукавицей.

– А мне кажется, что вправо, – заперечил Санёк.

– Не суетись, прохфессор. Лучше вспомни, в какую сторону были повёрнуты кресты, когда мы перелезли через забор.

– Кажись, к нам лицом.

– Каким лицом? Это же кресты.

Владимир сплюнул под ноги, натянул поглубже ушанку и посмотрел на звёзды. Постояли ещё немного, подхватили ёлки и пошли наобум, перешагивая через холмики и проржавевшие оградки. Ёлки ритмично покачивали упругими ветками, словно прощались с лесом, цеплялись за ржавые гвозди, оставляя борозды на взрыхлённом снегу. Мужчины уже поняли, что выбрали не тот путь, но деваться было некуда. Нужно было идти. Иногда они останавливались и прислушивались. Они ждали, что где-то вдалеке услышат волчий вой.

Всю дорогу Санёк стонал и ругался. Владимир не выдержал и бросил ему через плечо:

– Да чтоб ты провалился, стонота такая!

И тут же услышал за спиной такой звук, словно пустое ведро сорвалось в колодец.

Владимир тормознул и медленно обернулся. Не увидев зятя, он бросил ёлку и шагнул назад. Перед ним зияла могила, из которой как неоновые лампочки белели глаза и нос.

– Ты чего там?

– Провалился.

– Ясно, что не загораешь. Шапка где? Простудишься же. Быстрее ищи её и выбирайся.

– Не могу, – чуть дыша, просипел Санёк. – Меня кто-то за ногу держит.

– Скелет, клешней своей! – буркнул Владимир, но потом смиростивился: – Да шучу я. Ты за корень зацепился. Давай, отцепляйся.

Опустив в могилу верхушку ёлки, Владимир вытащил бедолагу. Шапку Санёк не нашёл, стянул шарф и повязал его вокруг головы. Пошли дальше.

4. Лесник

Чуть ниже леса у сельской накатанной дороги жил одинокий лесник, Николай «Частокол», как его прозвали на селе за его слова: «Я бы весь лес

загородил частоколом, чтобы никто туда и нос свой не совал!» Дом у него был маленький, похожий чем-то на железнодорожный полустанок, со старой печью в центре единственной комнаты. Никто не знал точно его возраст, на преклонные годы явно указывала седина, торчащая из-под солдатской ушанки. Жены у него не было, только старая сучка Мэрилин, потерявшая правый глаз по своей собачьей невнимательности – гоняясь за зайцем, напоролась на металлический штырь.

В эту тихую и морозную ночь Николаю не спалось. Он сидел за столом и под лампой пересматривал старые открытки. Если у односельчан над кроватью висели ковры с оленями, то у Николая гвоздями была прибита репродукция «Ленин на субботнике» с загнутыми и пожелтевшими от времени углами. Мэрилин в прихожей свернулась на коврик, укрывши хвостом холодный нос. Её правое ухо торчало, как локатор. И тут оно дёрнулось на далёкий звук. Собака резво вскочила, тявкнула и уткнулась в колени хозяину. Лесник на ходу схватил шубу с шапкой и выскочил во двор. Мэрилин за ним. Вглядываясь в лес на холме, он заметил птичий переполох. «Кто-то балует. Неужто снова кабаны бедуют по округе? Или, может, кто чужой? Пойду, проверю».

Вернувшись на секунду в дом, накинул на плечо казенное ружье и вышел со двора, толкнув ногой калитку. В левой руке он держал фонарик, в правой – палку, на которую опирался при ходьбе. Мэрилин, почуяв приключение, побежала вперед.

До леса идти было совсем недалеко – подняться на холм по земляным выступам, и вот тебе уже низкорослый молодняк. А там ещё пару сотен метров, и ты уже в гуще леса. Не спеша взобравшись наверх, человек и собака стали присматриваться и принохиваться к следам.

5. Переполох

Постукивая палкой по деревьям, лесничий осторожно пробирался вглубь. Собака бежала справа от хозяина. Стук в ночной тиши дроблённым эхом разлетался во все стороны. Из вороха почерневших веток высунули морды кабаны. Смахнув с пятаков пожухлые листья, они устремились вниз. Самка торила проход в снегу, а самец попыхивал следом за ней. Хрюкая и повизгивая, они пробирались в сторону озера, за которым в засаде сидели золовки. Те же в полудрёме обсуждали блюда на новогодний стол.

Вдруг Ольга увидела, как на озёрную гладь со стороны кладбища кто-то выбежал, шумно отфыркиваясь, как будто ругаясь.

– Наташ, смотри, это наши, что ли? Плохо видно.

– Да это же дикие хряки. Смотри, как похожи на наших, когда на четвереньках.

– Ведь заходили же на кладбище как люди. Говорили старики на селе, что это старое кладбище заколдовано. Ты гляди, что оно с нашими мужиками сделало. О, Господи, прости нас, грешных!

– Что будем делать? – трясясь, пропищала Ольга: – Расколдовывать?

– Ты дура, что ли? Надо дать о себе знать! Выть надо по-волчьи!

И обе женщины прижали ладони ко рту и что есть силы начали выть.

– Уууууууу, уууууууу, уууууууу! – разнёсся над озером протяжный дуэт, эхом улетающий в сторону села.

Грудной контральто Натальи переплетался с сопрано Ольги. Такого воя в этих краях ещё никто не слышал.

Кабанья пара, услышав вой, резко затормозила на середине озера. Щетина их встала торчком, они прижались друг к другу боками, пригнули головы и начали осматриваться.

Услышав душераздирающий вой, остановился и лесник.

– Что за невидаль? – оглянулся он на Мэрилин. Та, заморгав здоровым глазом, визгнула и скрылась среди деревьев.

– Мэри! Мэри! – звал он её, но это было напрасно, нервы одноглазой не выдержали.

Николай развернулся в сторону озера.

– Ах, так! – со злостью процедил он сквозь зубы, снял с плеча ружьё и, потрясая им, с криком «Аааааааа!», двинулся к озеру.

Он орал со всей силы то ли со страху, то ли от невиданной для него самой смелости.

Теперь дикие свиньи слышали с одной стороны протяжный вой невиданного зверя, а с другой – крик непонятного происхождения. Кабаны напряглись. Куда бежать? И тут они увидели, что с третьей стороны к озеру спускаются люди, которые тоже что-то орали.

– Бегите! Бегите! – кричали мужчины.

Женщины вскочили с саней и застыли, не зная, куда им бежать.

А кабанья пара побежала в сторону лесника, который уже спустился на озеро и скользил прямо на них. Столкновения было не избежать. Они сбили Николая с ног, и так получилось, что кабан зацепился за ремень ружья. Со всей дури он нёсся к лесу, таща за собой оружие, а вместе с ним и лесника. Николай скользил по льду на животе и орал благим матом. Кабаны чувствовали за спиной человека, и это придавало им ещё больше силы.

Володя и Санёк, скатившись в овраг, где должны были ждать их жёны, увидели лишь санки, скрученную верёвку и утоптаный вокруг снег.

– О...! – Санёк начал было звать жену, но Владимир резко закрыл ему рот рукавицей.

– Сдурел, что ли? Мы же ёлки с тобой своровали! Ты ещё имя и отчество выкрики и адрес заодно! Наши где-то рядом. Ты как филин ухать умеешь?

– Нет. Только кукушкой.

– Какая кукушка, идиот! – закатил глаза Вован, но потом махнул рукой: – Выхода нет, кукуй.

Санёк вытянул губы трубочкой и начал куковать. И тут же соседний сугроб зашевелился. Из него, стряхивая снег, выползли Наталья и Ольга, шёпотом переговариваясь между собой:

– Я тебе говорю, что это наши.

– А я тебе говорю, что нужно было ещё послушать.

Санёк сразу кинулся к своей отряхивать и обнимать.

– Ну, что, снегурочки, согрелись в сугробе? – хохотнул Владимир и уложил ёлки на санки: – Надо быстрее сваливать отсюда.

Санька, как самого изнурённого приключениями, уложили поверх ёлок. Он зацепился руками за борта санок и, уткнувшись носом в иголки, прошептал «поехали». Дорога по склону ускорила их возвращение.

Вернувшись домой с исцарапанными руками и лицом, лесник на неделю ушёл на больничный. Мэрилин прибежала на второй день и, скуля, просила прощения. Кабаны наплодили себе потомство. Ёлки простояли аж до восьмого марта. Коровины и Шмыгалкины, собираясь вместе, ещё долго вспоминали ёлочную вылазку. Шапка Санька так и осталась в лесу, на кладбище. Владимир всё подшучивал: «Шапку твою, Санёк, кабан примерил. Теперь он в лесу первый парень!» Желая по-быстрому выпить, Владимир из кухни давал сигнал Саньку: «Ку-ку», и тот понимал, что уже налито. История передавалась из уст в уста, обрастая новыми подробностями, которых, может быть, и не было. И только старые вороны могли рассказать всю историю, если бы умели говорить.